

П. В. Советов

Мирон Костин и его эпоха (1633—1691)*

P. V. Sovetov.

Miron Costin and his Time (1633—1691).

Miron Costin's works are inherent in the time of the Ottoman rule in Moldavia, terrible economic decline and massive failures of land owners. He founded a new stage in Moldavian historiography and literature, and owing to him they became part of the common European Baroque. His writings were intended to educate and entertain readers. Miron Costin wanted to see an educated and wise monarch rule the country liberated from the Ottoman domination, and he wished people of his class enjoyed the same rights as the Polish gentry (szlachta).

P. V. Sovetov.

Miron Costin și epoca sa (1633—1691).

Opera lui Miron Costin este inseparabilă de epoca dominației otomane în Moldova, declinul economic teribil și falimentul masiv al proprietarilor. El a deschis o nouă etapă în istoriografia și literatură moldovenească, pentru a le înscrie în contextul barocului european. Raționalul din operele sale s-a reflectat în aspirația de a educa și a distra pe cititori. M. Costin a vrut să vadă în fruntea țării eliberate de sub dominația otomană pe un monarh educat și inteligent, iar pentru oameni din pătura socială a lui — drepturile șlehtei poloneze.

П. В. Советов.

Мирон Костин и его эпоха (1633—1691).

Творчество Мирона Костина неотделимо от эпохи османского владычества в Молдавии, губительного экономического упадка и массового разорения землевладельцев. Он положил начало новому этапу в молдавской историографии и литературе, вписав их в общеевропейский контекст барокко. Европейский дух гуманизма, пронизывающий его произведения, выражается в кредо: «просвещать читателя, развлекаая». М. Костин желал видеть во главе страны, освобожденной от господства османов, просвещенного и мудрого монарха, а людей своего сословия — на правах польской шляхты.

Keywords: Miron Costin, feudal Moldavia, Ottoman rule, economic decline, Baroque in Moldavia, humanist principles.

Cuvinte cheie: Miron Costin, Moldova feudală, dominația otomană, declin economic, barocul în Moldova, principiile umanismului.

Ключевые слова: Мирон Костин, феодальная Молдавия, османское господство, экономический упадок, барокко в Молдавии, рациональное начало, гуманистические взгляды

Творчество Мирона Костина оставило неизгладимый след в истории молдавской культуры. Из-под пера Костина вышли традиционная молдавская летопись событий 1595—1661 гг. и вдохновенная стихотворная

хроника, первые в Молдавии монография и философская поэма, панегирики и эпистолярные творения. Так ярко и лаконично характеризовал наследие этого выдающегося человека наиболее крупный современный исследователь его творчества Евгений Руссев.

* Доклад прочитан 15 декабря 1983 г. на организованной Союзом писателей Молдавии и Академией наук МССР научной конференции, посвященной 350-летию со дня рождения Мирона Костина. Опубликовано на молдавском языке: Sovetov P. V. 1990. Miron Costin

și epoca sa. În: Revista de istorie a Moldovei. Anul I, Nr. 2 (2). P. 3—15. На русском языке печатается впервые по авторскому оригиналу, любезно предоставленному С. И. Советовой-Пармакли.

Вместе с тем, итоговый аккорд в оценке культурного наследия Мирона Костина — соединение его творчества с определенной историко-культурной эпохой, к которой он принадлежал как поэт и ученый, мыслитель и историк, в наших литературоведении и исторической науке еще не прозвучал. Представление об историко-культурной эпохе, в которую, в той или иной степени, вписывается творчество Мирона Костина, позволяет нам постичь более полно масштабы, место и значение этой незаурядной личности в истории европейской и молдавской культуры.

Творчество каждого писателя и поэта, мыслителя и историка неотделимо от эпохи, в которую он жил и творил, сколь бы далеко вперед ни забежал его гений. От правильного понимания этой эпохи зависит и возможность верной оценки творчества живших в ней или воспринявших ее художников слова и мыслителей.

Понимание Мирона Костина и его историко-культурной эпохи в нашей послевоенной научной литературе вначале связывалось преимущественно с «чистым» средневековьем, что может объяснить творчество таких летописцев XVI в., как Азарий, Макарий, Евфимий и даже, в какой-то мере, Григорий Уреке и его эпоху, но не может объяснить творчество Костина, хотя они жили в одном и том же XVII столетии. То, что такой подход давно изжил себя, стало очевидным в молдавском литературоведении и историографии. Но, как часто бывает в подобных случаях, когда, не поняв и недооценив наше место в истории мировой и европейской цивилизации, мы не смогли соотносить и синхронно вписать в «свою эпоху» творчество и личность ряда собственных писателей и ученых, первоначально срабатывает самый простой рефлекс «обратного действия» по отношению к тому, что так бесславно просмотрели. Начинается прямолинейная, порой формальная, примерка самых «престижных» одежд в масштабе истории мировой культуры. Возник вопрос: нельзя ли рассматривать творчество М. Костина как одну из страниц эпохи европейского Возрождения?

Идея прямо писать Мирона Костина в эпоху Ренессанса не смогла увенчаться успехом, в той же мере, в какой и предыдущее стремление отнести его творчество только к «чистому» средневековью. Но сопоставление с эпохой европейского Возрождения не прошло даром. Оно подсказало нам, что поиски связей с Ренессансом и его истоками должны идти несколько иным, более сложным путем, не таким прямолинейным и упрощенным. Более перспективным теперь оказывается по-

иск, который ведет в последнее время ряд ученых Восточной Европы (Польши, Украины, Белоруссии, России и др.). Что касается России, то нынче, по широко распространенному мнению, другая историко-культурная эпоха — эпоха барокко сыграла здесь роль Возрождения. Она прививала русскому обществу некоторые идеи Возрождения, в той или иной степени гуманистические и прогрессивные по своему духу.

Молдавская историческая наука, медиевистика и литературоведение, должны констатировать сегодня, с некоторым опозданием, что, как и русская наука вначале, они прошли мимо этой эпохи, характерной для истории европейской цивилизации, эпохи, которая, оказывается, нас также не миновала. Так же, как и Московская Русь не знала Ренессанса, его не знала и Молдавия, поскольку в Молдавии, как и на Руси, не было соответствующих исторических предпосылок для такого глубокого культурного переворота. Неограниченный произвол и попрание правового порядка, по мнению историков русской литературы (авторский коллектив во главе с Д. С. Лихачевым), несовместимы с Ренессансом.

Зато в Молдавии, как и в ряде других стран Юго-Восточной и Восточной Европы, именно эпоха барокко впервые начала прививать обществу ряд идей, воспринятых от Возрождения, дала элементы того гуманистического пафоса, который отличает Мирона Костина от его предшественников в истории молдавской культуры.

В последние десятилетия в СССР и других социалистических странах Европы велась большая исследовательская работа по восстановлению действительного облика историко-культурной эпохи барокко (1). В результате повально прочитываются и оцениваются многие достижения литературы. Значительно расширяется географический диапазон этой эпохи, как признается сейчас, общеевропейской, распространенной в том числе и в Восточной и Юго-Восточной Европе, от России (где было буквально вновь «открыто» московское барокко второй половины XVII в.) до гораздо более позднего болгарского варианта, задержанного тяжелым османским владычеством. Повсюду оказывается, что это — составная часть одного общеевропейского культурного процесса, хотя и не протекавшего повсеместно синхронно, но имевшего общие типологические черты. Если в соседней с Молдавией Речи Посполитой он зарождается тогда же, когда и в Западной Европе (конец XVI в.), в Чехии, Венгрии, Украине, Белоруссии — в середине XVII в., то в Молдавии распро-

страняется примерно в тот же период, что и в Москве — во второй половине XVII в. В Юго-Восточную Европу, непосредственно включенную в турецкую государственность (Сербия, Болгария и др.), стиль проникает намного позже.

Общая направленность барокко, вернее, литературного барокко (законченные черты которого пока еще недостаточно определены, несмотря на десятки монографий и сотни статей, правда, в МССР пока ни одной), не является еще неопровержимым свидетельством наличия единого центра развития, единой модели или эталона. И, вместе с тем, по мнению Д.С. Лихачева, эта первая общеевропейская тенденция в литературе — «своего рода знамение времени», «первое всеобщее проявление кристаллизации общеевропейской культуры и литературы». Другой вопрос, что в одних случаях явления барокко стали ведущими и предопределили облик эпохи, в других — лишь сосуществовали с другими тенденциями.

Миرون Костин был одним из первых проводников и, в то же время, проявлением этой общеевропейской историко-культурной эпохи в Молдавии (2). И произошло это в один из самых тяжелых периодов истории страны, стонавшей под османским владычеством, в период турецко-татарских походов и нашествий, максимального экономического упадка молдавского хозяйства, апогея феодального угнетения народных масс и выкачивания из страны огромных материальных средств в Османскую империю. Это было время сословного разорения наиболее древних молдавских родов землевладельцев и служилого дворянства (куртян, немешей, мазылов, служиторов), упадка городской жизни, время всеобщего обнищания народных масс и самого низкого падения стандарта феодальной жизни в Молдавском государстве.

Условия, в которых жил Миرون Костин, придают особое значение творчеству молдавского мыслителя и летописца, историка и поэта, приобщавшего свою тяжко израненную османским угнетением Родину к современной ему историко-культурной жизни Европы. И здесь мы должны попутно коснуться еще одной пока мало разъясненной в науке загадке молдавской истории: почему взлет молдавской литературы (3), сопровождаемый самыми блестящими за всю эпоху развития феодализма в Молдавии именами — Григория Уреке, Мирона Костина, Варлаама, Досифея, Николая Костина, Николая Милеску-Спафария, Дмитрия Кантемира,

Иона Некулче, анонимных летописцев — приходится не только на период иноземного османского ига, но большей частью именно на время самого страшного в стране экономического упадка и массового, фактически корпоративного социального разорения большинства феодальных сословий (4). Ответ на этот вопрос, по всей вероятности, может быть только один. В Молдавии, как и в ряде других стран, внутри одной и той же общественно-экономической формации периоды взлета духовной культуры не всегда совпадают с подъемами социально-экономического развития общества. К. Маркс заметил по этому поводу, что определенные периоды расцвета культуры не всегда «находятся в соответствии с общим развитием общества, а следовательно, также с развитием материальной основы последнего, составляющей как бы скелет его организации» (Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. Т. 12: 736).

В молдавском варианте этого феномена проявилось интересное своеобразие. Внутренний протест против иноземного владычества огромной Османской империи — одной из самых мощных в мире военных держав средневековья (характеристика Карла Маркса), — привел к тому, что небольшая страна, которая не была в состоянии сама свергнуть военным путем это иго, выработала взамен мощное духовное оружие консолидации. В результате ряд ярких явлений истории культуры молдавского народа опережал социально-экономическое развитие общества. Были и внешние факторы и стимулы, способствовавшие такому развитию. Они исходили от соседних славянских народов, откуда приходили многие культурные импульсы при создании в Молдавии книгопечатания, развития образования, единой религиозной жизни, вселяющей надежду на совместное противостояние экспансии не только мусульманского, но и католического мира. Именно этим путем проникают в Молдавию, пребывающую под османским игом, и элементы европейской культуры эпохи барокко.

Таковы, по нашему мнению, внутренние и внешние причины того поразительного противоречия, которое наблюдается между катастрофическим упадком молдавской сельской экономики и городской жизни, с одной стороны, и самым высоким за весь период феодализма взлетом, в то же время, молдавской оригинальной литературы. Эта трагически противоречивая ситуация — также характерная черта эпохи, в которой формировался великий молдавский книжник Миرون Костин.

Завершая общую характеристику культурного аспекта эпохи, в которую жил и творил Мирон Костин, восстанавливая ее связи с общеславянской и русской культурой, важно отметить еще одно немаловажное наблюдение. Между путями проникновения общеевропейского культурного и литературного течения барокко в Россию и Молдавию есть много общего, иногда совпадающего до удивительной идентичности. У истоков этого первого литературного направления в России стоял Симеон Полоцкий и ряд писателей и поэтов, выходцев из Речи Посполитой, изучавших «семь свободных художеств» в Киево-Могилянской академии или обучавшихся в школах, идентичных той, в которой занимался наш Мирон Костин. Правда, чаще всего не в Баре, а в Вильно (Вильнюсе), и в то же самое время — 40-е годы XVII столетия. Любопытно и то, что, по мнению авторского коллектива истории русской литературы (руководитель Д. С. Лихачев), именно «латинствующие» впервые пересадили на русскую почву европейский стиль барокко. В этом смысле, по-видимому, не случайно для Молдавии это сделал Мирон Костин — первый из молдавских писателей и поэтов, отметивший латинские корни в языке, культуре и истории молдавского народа, который он считал наследником римской цивилизации.

Мы приходим к такому же предположению, которое высказал авторский коллектив I тома Истории русской литературы во главе с Д. С. Лихачевым. Так же, как и на русскую почву, так и на молдавскую стиль барокко был пересажен извне, а здесь он был приобщен к местным традициям и условиям. Правда, имелась весьма существенная разница, и ее следует подчеркнуть. В отличие от Московской Руси второй половины XVII в., где, как указывал В. И. Ленин, начался новый период ее истории, зарождались элементы новых, капиталистических отношений, Молдавия, придавленная османским владычеством, находилась во власти безраздельного господства феодальных отношений и средневековья. Эти местные условия, конечно, усилили средневековую струю в творчестве М. Костина, но не смогли полностью приостановить приобщение М. Костина и других молдавских книжников к историко-культурной современности Европы, заложенной в них воспитанием в среде общеславянского барокко Польши и Западной Украины (5).

По общепринятому сейчас мнению, эпоха барокко, в том или ином ее проявлении, не знала языковых барьеров. М. Костин знал три необходимых языка, которые приобщили

его к этой эпохе. Он знал латинский, польский и украинский. Знание еще двух языков — эллинского и древнерусского — позволяло обращаться к древней античной литературе, столь чтимой этим направлением.

М. Костин связан с первым общеевропейским литературным направлением, с этой историко-культурной эпохой многими зримыми и незримыми нитями. В первую очередь, об этом свидетельствуют энциклопедизм и обращение к античности, черты, которые были характерны для барочных писателей. Эти черты прослеживаются неоднократно и в методе литературной работы Мирона Костина, который был сугубо историческим. Он держал в памяти множество исторических фактов, которые давали читателю широчайший для условий Молдавии XVII века свод знаний из разных времен и из разных отраслей науки, включая универсальную историю, древнегреческую, римскую, византийскую, а также средневековую европейскую, в том числе мифологию, исторические анекдоты. М. Костин знает Овидия и Горация, обращается к Гомеру и Вергилию, вдохновляется Плутархом. Мыслитель прибегает к непрекаемому для писателей эпохи барокко авторитету античной философии. *«Говорит философ Аристотель, — пишет М. Костин, — что всяк человек знания алчет, но — добавляет наш мыслитель, — не всяк человек познать старается. И ничто не отличает так человека от животного, как знание. И из знания рождается наука...»*

Высокое чувство ответственности, свойственное молдавскому ученому, весьма четко выражено им в предисловии к монографии, посвященной этногенезу молдавского народа, того самого монографического исследования этногенеза молдавской народности, которое современные советские молдавские ученые, к сожалению, до сих пор не смогли «подарить» своему народу. Полемизируя в своей монографии с Симионом Даскэлом, интерполятором летописи Григория Уреке, по поводу происхождения молдаван якобы от римских каторжников, М. Костин пишет: *«Не шутейное дело хулу вечную на народ возводить, ибо писание — дело вечное... За все, что пишу, я буду в ответе»*. Конечно, интерполяция Симиона Даскэла к летописи Григория Уреке не выдерживает критики источников, а Мирон Костин в определенной мере к ней стремился, как и многие барочные авторы (6).

Влияния гуманизма, воспринятые писателями барокко, приводили и у Мирона Костина к критическому использованию всех доступных источников. Он разделял

№6. 2010

идеи о необходимости всесторонней осведомленности для историка и писателя при создании своих произведений, привлечения всесторонних знаний из области географии, археологии, этнографии, нумизматики, эпиграфики, лингвистики, топонимики и т. д. Будучи следствием этого благотворного влияния, углубленные разыскания Костина явились вкладом в развитие феодальной историографии в Молдавии, ценной лептгой в сокровищницу молдавской культуры. В своей монографии Мирон Костин преодолел этап накопления исторических знаний, которому частично соответствует его летопись, и поднялся до уровня одного из зачинателей (наряду с Дмитрием Кантемиром) исторической науки в Молдавии на монографическом уровне, соответствующем т. н. дворянской историографии в России (В. Н. Татищев, Н. М. Карамзин).

К историко-культурной эпохе барокко и ее художественному стилю Мирон Костин наиболее близко подошел в своей поэме «Жизнь мира», которую он открывает гимном стихосложению:

*«Ын тоате цэриле, юбитуле четиторуле,
се афлэ ячесту фел де скрисоаре, каре елинешите
“ритмос” се кямэ иарэ словенешите “стихо-
словие” ши ку ачесту кип де скрисоаре ау скрис
мулць лукруриле ши лаудиле...»¹.*

При этом он не упускает возможности отметить, что и на родном языке возможно стихосложение:

*«...сэ се вазэ кэ поате ши ын лимба ноастрэ
а фи ачес фел де скрисоаре, че се кямэ
стихурь»².*

Костин использовал в поэме «Жизнь мира» свойственные стилю барокко символику, аллегории, игру слов, подчеркивание натуралистических деталей в сравнениях, приобретающих характер символов определенных абстрактных идей:

Трек зилеле ка умбра, ка умбра де варэ...

Спума мэрий ши нор сунту чер трекэторю³.

Поэт связывает это с мыслями о непостоянстве и тщетности земного благополучия. С этой мысли начинается и сама поэма:

¹ «Во всех землях, дорогой читатель, существует этот вид писаний, который по-эллинически именуется “ритмос”, а по-славянски “стихословие”, и таким способом написаны многие произведения и восхваления».

Здесь и далее переводы оригинальных текстов Мирона Костина принадлежат С. И. Советовой-Пармакли.

² «Можно сказать, что и на нашем языке может существовать такой род письма, который называется стихами».

³ Дни текут словно тени, как летние тени
Преходящие, как пена морская, как облачко в небе.

*А лумий кынту ку жале кумплита виаца
Ку грижь ши примеждий, ку ясте ши аца
Пря сипцире ши 'н скуртэ време*

трэитоаре

О, луме хиклянэ, луме ыниелэтоаре⁴.

Характерно, что через несколько десятилетий другой великий представитель молдавской литературы конца XVII — начала XVIII вв. Дмитрий Кантемир, также отдавший дань стилю барокко, в «Иероглифической истории» воспроизводит в той же литературной манере мысли и настроения Мирона Костина, своего предшественника:

А лумий кынт ку жале кумплита виацэ

Кум се трече ши кум се рупе ка кум ар фи

о ацэ⁵.

Свойственная писателям барочной эпохи тенденция к символической интерпретации мира, при которой явления в мире выступают как символы, вещи — как метафоры, прослеживается у Мирона Костина неоднократно. Реальные предметы и явления теряют свои обычные повседневные значения и становятся элементами языка, с помощью которого воссоздавался иной, высший мир — мир значений:

Ши ка апа ын курсул сэу кум ну сэ опрешите

Аша курсул ал лумий ну сэ контешите.

Фум ши умбрэ сынту тоате, висурь

ши пэрере.

Че ну петрече лумя ши-н че ну-й кэдерэ⁶?

В картине мира, данной М. Костиным, совсем как по канонам эпохи барокко проявляются новые качества, трагизм потерянности в этом большом и непознаваемом мире и героизм усилий познания этого мира, законов, им управляющих, и, тем самым, обретения в нем своего места. В поэме М. Костина нет, конечно, естественной гармонии Ренессанса. Но зато имеет место внутренне напряженная метафизическая гармония барокко. Подход М. Костина, как человека эпохи барокко, приобретает в поэме поистине космические масштабы, ибо от его правильности

⁴ Мира жалобная песнь о жестокой жизни с заботами и опасностями; она как нить слишком тонкая и проживаемая за короткое время. О, предательский мир, обманчивый мир.

⁵ Пою с болью о жестокой жизни мира
Как проходит и рвется она, подобно нити.

⁶ И как вода в своем течении никогда не
останавливается
Так не останавливается и течение жизни
Все есть дым и тень, сны и призраки
Что не переживет мир, и в чём нет упадка?
Пена моря и облака под бранным небом.

зависело, по представлению поэта, то вечное и непреходящее, что было заключено в каждой личности.

Как и в целом в эпоху барокко, в произведениях Мирона Костина развивалось личное начало в литературе и искусстве, формировалась тенденция к оригинальности, которая долгое время не входила в число доминирующих художественных тенденций. Зарождение этого направления означало изменение типа художественного сознания, в первую очередь, за счет роста интереса к человеческой личности.

В эпоху барокко находят широкое распространены и художественные свойства панегирической литературы, прославляющей личности владык мира сего. В своем «Лабиринте», написанном через год после завершения летописи в 1676 г., М. Костин прибегает и к этой форме литературы. Он здесь изобретает неожиданные аллегории и символы, прибегает к утонченным и причудливым формам, усложненным приемам композиции, заимствуя образы из античной литературы. Сама идея этого заимствования, к которой писатели эпохи барокко обычно явно прибегали как бы в наследство от Ренессанса, открывает «Лабиринт» Костина:

«Антикитатя чя плинэ де спирт ши ын-целяптэ ын нэскоцириле ей а инвентат ши а пэстрат обичеюл, кэ ла сэбрэториле ануале супушь сэ экспримере... приетений приетенилор, унул фацэ де челелалт, ындаторириле ши бунэвоинца лор, сэ урезе норок ши феричире... ну нумай прин кувынтьэрь плине де спирт, дар ши прин граюл пэсэрилор муте, ынвэцате сэ ворбяскэ»⁷.

В Молдавии, где из-за тяжелого османского ига в целом консервировалась средневековая эпоха и господствовали свойственные ей целостность художественной системы и единство художественных вкусов, перо М. Костина, пускай и на основе трансплантации элементов эпохи барокко извне, использовало возможность выбора художественного метода. Так рождаются литературные направления. Барокко — первый из европейских стилей, зарождающихся не только в русской, но и в молдавской литературе.

Конечно, всех стиливых орнаментов и художественных форм, всех черт и черточек

этого сложного общеевропейского литературного течения в творениях Мирона Костина, по крайней мере пока, мы выявить еще не смогли. Но ряд особенностей мы можем отметить и сегодня. На некоторые из них, вытекающие из безраздельного господства и консервации феодальных отношений периода экономического упадка Молдавии, тяжелого османского ига, указывалось выше. Здесь хотелось бы отметить и особенности другого рода.

Как и московские писатели и поэты эпохи барокко, многие из которых получили образование в тех же школах, что и наш писатель и поэт, М. Костин предпочитал уклоняться от крайностей, смягчать барочную мятежность и экзальтацию, которая в официальных кругах, к которым он принадлежал, всегда отличалась умеренностью. Это привело к кажущейся стертости многих художественных приемов, особенно стиля, и в то же время выпячиванию других.

Рациональное начало, свойственное в целом описываемой культурной эпохе, выразилось у Мирона Костина в стремлении к риторичности (7), риторическим контрастам — *курсул лумий аць черкат, лумя курсул востру а тэят*⁸. Это стремление, в свою очередь, имело в основе желание поучать и воспитывать читателей. Оно, пожалуй, подавляло соседствующую задачу «трогать и развлекать». Это рациональное дидактическое начало проходит через все его произведения, начиная от «Летописи земли Молдавской» и до монографии «О племени молдаван, из какой страны вышли их предки»: *«Кэ летописецеле ну сынт нумай сэ ле читяскэ омул, сэ иттиче че а фост ын время трекуте, чи май мулт сэ фие де ынвэцэтурэ, че есте бине ши че есте рэу...»⁹.*

Элементы гуманизма у Костина, как и у многих других писателей Восточной Европы эпохи барокко, были ограничены феодальным строем, остатками, а то и пластами провиденциалистских убеждений средневековья. Они отражали, как и повсюду в эту эпоху, ту или иную степень синтеза и соотношения наследия и влияний средневековья и Ренессанса в их причудливом сплаве, который и составляет суть особенностей барокко (оно рождается как отрицание Ренессанса и в то же время, в силу последовательного

⁷ «Древность, полная духовности и мудрости в своих фантазиях, изобрела и сохранила обычаи, чтобы во время ежегодных праздников... друзья друзей, лицом друг к другу, выражали свои обязательства и доброжелательность, желали удачи и счастья... не только в речах, полных душевности, но и на языке немых птиц, обученных разговору».

⁸ Попытали жизни путь;
Мир же — путь ваш оборвал

⁹ «Ибо летописи существуют не только для того, чтобы человек читал их и знал, что было в прежние времена, но более того, также чтобы служить поучением тому, что такое добро и что такое зло...»

развития цивилизации, что-то существенное от него воспринимает по закону отрицания отрицания: провозглашая черты провиденциализма, воспринимает в то же время элементы гуманизма).

И действительно, ведь в культуре европейского барокко место ренессансного человека (как высшего проявления гуманизма), в той или иной степени потеснив его, снова занимает бог — первопричина и цель земного существования. Эта средневековая струя способствовала усвоению элементов барокко как в России, так и в Молдавии, для которых средневековая культура отнюдь не была далеким прошлым. Потому-то и наш великий книжник и мыслитель не может еще окончательно вырваться из тисков божественного предопределения: «*Сколько стараний человек ни прилагает, — пишет М. Костин, — миро-порядка божьего, как он ныне устроен, никто изменить не в силах*». Здесь налицо наследство средневекового провиденциализма, к которому, в равной мере, добавляется и классовая ограниченность. Но в рамках этого, богом данного, строя, которого никто изменить не может, наш мыслитель все же занимал позицию ожидания перемен. Она была выявлена молдавскими учеными недавно, благодаря возникшему в советской историографии направлению по изучению типологии феодализма в Молдавии.

Прежде чем перейти к этой интересной и новой проблеме, необходимо коснуться общеизвестного мнения о социально-экономическом строе, который установился на родине великого молдавского книжника и мыслителя. В таком случае окажется возможным затем рельефнее выделить оригинальную новизну типологического подхода, открывающего путем универсального моделирования не только общее, но и особенное, колоритно-специфическое в истории молдавского феодализма (8).

Характеризуя вначале эту общеизвестную по литературе картину мировоззрения в самом общем виде, следует учитывать, что среди книжников и ученых, писателей и поэтов, историков и мыслителей, которых дала молдавская земля в XVII в., никто не ставил под сомнение господствующий в то время в стране феодальный общественный строй. Миرون Костин также выступает в роли откровенного защитника социального неравенства в государстве и проповедует феодальную иерархию и сословное деление. «*Господарь, — говорит он, — должен обращаться с боярином как с боярином, со служилым человеком как со служилым, с крестьянином как с кре-*

стьянином». Сословная замкнутость высшей прослойки — боярства — подчеркивается им с особой силой на примере приближенного служилого человека господаря Раду Михни, который оказался не в состоянии по своему «*человеческому духу*» стать боярином. Личность монарха и его власть, по мнению М. Костина, божественного происхождения. В «*Польской поэме*» он прямо пишет, что монарх — наместник бога на земле, сама мысль, что монарх может выйти из низов, отвергается им со всей решительностью на примере Драгоша.

В соответствии со своими общими взглядами М. Костин рассматривает вопросы войны и мира, чрезвычайно важные для порабощенной Молдавии, ведущей освободительную борьбу против османского владычества. Связь между религией и войной хотя и прослеживается у летописца, но гораздо реже, чем у его предшественника Григория Уреке. Вырываясь из тисков провиденциализма, его воззрения оставляют гораздо больший простор для личной инициативы человека, государей и полководцев, их военного искусства, смелости и преданности солдат воюющих сторон. Захватнические войны, по самой их сути, летописец осуждает со всей страстью, на какую был способен мыслитель угнетенной османами небольшой страны. Для авторитета он прибегает к словам Плутарха о том, что мудрость владык и монархов больше видна из слов и добрых советов, чем из войн, которые они ведут. Но если война должна возникнуть, то, по мнению М. Костина, ее надлежит вести в законных для человека рамках. В духе теоретиков международного права его эпохи (Джентиле, Гуго Гроция и др.) он одобряет тех государей, которые перед началом войны объявляли ее, — разумеется, в интересах мирного населения.

Представляют интерес и высказывания М. Костина о стремлениях к мировому господству и созданию, таким образом, мировой феодальной монархии, — теории, которая в средние века вынашивалась в реакционных феодальных кругах Европы и была начертана на знамени Османской империи, поработившей и безжалостно топтавшей его родную Молдавию. «*Много государств в мире, — предупреждает он, — желая захватить другие страны, сами погибли*». Так погибла держава Дария, Карфаген, Эпир. «*Так случается, — продолжает он, — со всеми империями, когда они слишком расширяются, не имея возможности больше укрепляться, рассыпаются...*». Империя османов, охватившая огромную территорию от границ бывших

владений Дария и древнего Карфагена до его родной Молдовы, считал М. Костин, должна когда-нибудь рассыпаться под ударами изнутри и извне ее пределов. Он как бы призывает к этому.

Противник мирового господства одной державы, мировой феодальной монархии, М. Костин, естественно, был сторонником освобождения своей родины от иноземного ига. Он призывает к общему выступлению против османских захватчиков. Но, проявляя разум большого государственного и политического деятеля, предупреждает против поспешного выступления без должной подготовки: «...с разумом, а не без расчета и подготовки, — пишет он, — чтобы вместо пользы принести стране ее гибель».

И в случае такого освобождения М. Костин желал бы, в духе своих воззрений, видеть во главе страны образованного и умного монарха, не предающегося праздности, мудрого политика и тонкого дипломата.

Сам он неоднократно выступает в роли опытного политика, стремящегося не допустить бессмысленного возмущения народных масс, возмущения, которое одинаково грозит как господарям, так и его, феодального летописца, классовым интересам. «О Молдавия, — восклицает наш книжник, — если бы господа-ри твои, которые владеют тобой, были бы мудры, то так легко не погибла бы ты. Алчные господа, не ведающие обычаев твоих, суть причина твоей гибели».

В обширной литературе о Мироне Костине этот монолог обычно считали наиболее глубоким пониманием положения Молдавии в XVII в., где господа (иногда чужестранцы, не ведавшие местных обычаев), стали ставленниками турецкого султана. В действительности же Мирон Костин видел глубже: причины — нарушение старых молдавских обычаев и проистекавшие отсюда, по его мнению, страшные беды, грозящие гибелью родной стране.

Этот аспект мировоззрения Мирона Костина станет более ясным, если мы вернемся здесь к вопросу о новейших изысканиях современной молдавской историографии по проблеме типологии феодальной формации и перейдем от общих формационных характеристик общественного строя Молдавии к оценке типологической вариативности молдавского феодализма. До недавнего времени (не допуская социалистического плюрализма во взглядах) не выделяли и многоликую вариативность форм феодализма в науке и, как следствие этого, не различали и вариативности общественно-политических взглядов,

вытекавших из возможности этих различных альтернатив исторического развития каждой страны или региона.

Феодальная формация в Молдавии периода османского ига в конце XVI—XVIII вв. не сохраняла одну и ту же застывшую, законсервированную типологическую форму («старых обычаев», согласно М. Костину, неведомых новым господарям-ставленникам турецкого султана), которая была присуща стране накануне и в первые десятилетия османского владычества (т.е. в XV — середине XVI вв.). Наоборот, в конце XV—XVIII вв. происходили весьма существенные сдвиги и изменения в типологическом ряду форм феодальной общественно-политической формации в Молдавии. И, разумеется, эти сдвиги не были результатом просто «злого умысла» алчных господарей.

Мирон Костин, как и все его современники в Европе, конечно, не мог понять истинный социальный смысл происходивших тогда перемен, тем более в том плане, как мы сейчас видим, вооруженные марксистско-ленинской методологией, учением об общественно-экономических формациях. Но его развитый, проницательный интеллект не мог не выразить, в рамках мышления того времени, своего отношения к тому, что, хотя эпоха феодализма в Молдавии, в которой он жил, сохранялась и даже консервировалась османским владычеством, ее типологическое лицо изменялось, и резко изменялось, даже на его глазах.

Сеньориальный, т.н. «классический», европейского типа, феодализм, который господствовал до османского владычества («старые добрые обычаи», о которых сожалеет М. Костин), все время и особенно в XVII — середине XVIII вв. слабел, а вместе с ним массовым образом разорялось и сословие, к которому принадлежал М. Костин, — сословие местных молдавских феодальных землевладельцев, вплоть до старинных боярских родов, которым грозила «гибель» (9). Взамен все время усиливались формы государственного феодализма. Он принимал все более низкие, варварские, «азиатские» формы, присущие, как считал К. Маркс, самому османскому феодализму. Происходило огосударствление всех сторон общественной жизни в Молдавии XVII—XVIII вв. (10). Основным катализатором этих типологических сдвигов в сторону государственного феодализма была Османская империя, выкачивавшая из Молдавии посредством феодально-государственной эксплуатации народных масс свой основной доход. Последний достигал в конце столетия, в котором

жил М. Костин, более половины всего производимого в стране прибавочного продукта. Часть местного молдавского боярства и многие влившиеся в его состав выходцы из Османской империи приспособились получать доходы за счет государственных податей и налогов. Это было крупное служилое боярство, и среди них — сам М. Костин, занимавший высшие посты в феодально-государственной иерархии: старосты-пыркалаба, великого комиса, великого логофета, великого ворника и т. д.

Но, будучи служилым боярином, он стал и одним из наиболее крупных землевладельцев (89 хотаров сел и их долей — третья по величине магнатская вотчина в стране). И хотя М. Костин как служилый боярин пользовался вполне тем благополучием, которое давал ему господствующий в стране тип феодализма, он сделал свой выбор. У нас есть все основания считать, что именно Миرون Костин был автором известного обращения к польскому королю в 1684 г. о переходе Молдавии в королевское подданство для освобождения с его помощью страны от турецкого ига. В этом обращении, написанном от имени феодальных сословий земли Молдавской, содержится просьба об установлении тех же феодальных порядков и социальных прав, которые имеет «*шляхта польская в землях Короны и Литвы*», т. е. отказ от господствующих как в Молдавии, так и в Турции форм государственного феодализма и установление его наиболее выраженных, как и в Речи Посполитой, европейских (преимущественно сеньориальных) форм.

М. Костин выступал, скажем мы словами сегодняшней науки, против преимущественно «азиатских», восточных форм феодализма, которые насаждала в Молдавии Османская империя, против укрепления власти господарей как ставленников турецкого султана, видя в них причину крушения не только своего сословия, но и родной Молдавии. Отсюда, между прочим, мыслитель допускал право сопротивления господарям, вплоть до восстания. Поэтому божественное предопределение власти, по его мнению, относится только к ее сущности, но приобретение и пользование может быть противными воле божьей. В таком случае подданные, под которыми он имел в виду только свое феодальное сословие, могут отказать в повиновении тирану-господарю. Тираноборческие идеи нашего мыслителя были, однако, ограничены классовыми интересами боярской олигархии, своего боярского сословия, которое, как он всегда мыслил, должно разделять власть с господарем и его ограничивать.

Это право на восстание, даже под знаменем тираноборчества, не допускается для крестьян и городских низов. Здесь, наоборот, мнение летописца о «добродетели» сменяется требованием страха перед феодальными властями. Это особенно видно из того места летописи, где он говорит о грозных событиях первого в XVII в. народного восстания 1633 года.: «*Неспусэ врэжмэшия а простимей*»¹⁰. Оно произошло как раз в том году, в котором он родился.

Вскоре после этого восстания семья Костиных с годовалым ребенком Мироном на многие годы покидает пределы родины, уезжает в Польское королевство, где получает польский «индигенат» (гражданство), шляхетство, образование и воспитание, что на многие годы определило не только симпатии Мирона Костина и всего его рода, но и многие черты его мировоззрения. Поэтому он, — поборник освобождения родной Молдавии от тяжелого османского ига, — ждал его от Польши. М. Костин еще не мог увидеть в России, чья мощь тогда только нарастала, единоверную державу и мощного союзника в борьбе за освобождение. Мирон Костин — пленник из армии, разбитой поляками под Веной, — обращается пока к победителю турок, польскому королю Яну Собесскому. В своем почетном плену в охотничьем замке под Дашавой он пишет посвященную королю «Польскую поэму» — как символ своей надежды добиться освобождения Молдавии от османов с помощью короля. М. Костину еще не было дано видеть наступающего кризиса шляхетской Польши и ее последующего упадка. Однако благодаря впечатлениям и образованию, полученным в Речи Посполитой, которая раньше знала эпоху своего Ренессанса, а затем вписала самую раннюю страницу в последующую историко-культурную эпоху барокко в Центральной и Восточной Европе, М. Костин стал проводником передовых для своего времени гуманистических идей в своей родной Молдавии.

Оценивая историко-культурное и литературное направление, в которое во многом вписывается перо М. Костина, нельзя не отметить еще раз, что если общеевропейское барокко в целом осознало себя в непосредственном отношении к Ренессансу, то трансплантированные элементы эпохи барокко в Молдавии, как и барокко московское, имели предшественником не Ренессанс, а средневековую традицию. Предшественником М. Костина и дру-

¹⁰ «Несказанная опасность глупости».

гих книжников, воспринявших эту эпоху, был Григоре Уреке, т. е. в основном еще средневековая традиция.

Эпоха, открытая для Молдавии Миронем Костиным, не закончилась с его трагической гибелью в 1691 г., она продолжала развиваться на уровне элементов т.н. «высокого барокко» в некоторых произведениях Дмитрия Кантемира, например, «Иероглифической истории» и «низового», связанного больше с фольклором и устной традицией, нежели обращением к античности, в произведениях Иона Некулче (11).

Творчество Мирона Костина внесло новый этап в молдавскую историографию и литературу, вписало молдавских книжников

в первую общеевропейскую историко-культурную эпоху, разумеется, не осознавая значения этого свершения. Но он понимал другое. «Посредством писания, — отмечал М. Костин, — счастливую жизнь сотворяем, бессмертное имя заслуживаем».

И, действительно, верно заметил один из видных советских исследователей молдавской культуры XVII в. Е. М. Руссев, «трудом своим и книгами своими Мирон Костин заслужил бессмертье». Произведения Мирона Костина, превратившись в народное достояние, живут своей второй жизнью. А это — высшее признание, о котором может только мечтать подлинный творец, 350 лет со дня рождения которого мы сегодня отмечаем.

Примечания

1. Комплекс историко-культурных и фило-софско-эстетических категорий, получивший название барокко, вначале использовался для характеристики художественного стиля, затем литературного и художественного течения и, наконец, для определения целой историко-культурной эпохи.

2. Элементы историко-культурной эпохи барокко, в той или иной степени, прослеживаются в различных областях молдавской культуры того времени (помимо литературы, также в архитектуре — церковном и светском зодчестве, изобразительном искусстве и др.). В целом эта интересная страница истории Молдавии не стала пока предметом специального изучения, и является одной из неотложных задач советской молдавской историографии, литературоведения, искусствоведения. Она может открыть путь к новым, пока еще неизведанным, просторам для определения места молдавской культуры XVII—XVIII вв. в рамках европейской цивилизации.

3. В определенной мере это касается и некоторых других сторон развития культуры: окончательного утверждения письменности на молдавском языке, появления книгопечатания, развития новых мотивов в фольклоре (острие которых теперь было направлено не только против местных, но и иноземных угнетателей), новой ступени образования (славяно-греко-латинская академия), хотя и не достигшего в период турецкого ига уровня высшего университетского образования, как в соседней Польше. Правда, именно там, в соседнем Польском королевстве, кото-

рое перешло от своего Ренессанса к барокко, учился юный Мирон Костин.

4. Из перечисленных выше имен, составлявших гордость молдавской литературы эпохи развитого феодализма, пожалуй, только Григорий Уреке и Варлаам жили накануне упадка. Экономический упадок разворачивался во второй половине XVII в., особенно в последние десятилетия XVII — начале XVIII вв.

5. Термин, принятый в нашем советском литературоведении и современной историографии. По этому вопросу имеется значительная оригинальная литература, которая легла в основу анализа барочных мотивов в настоящем докладе и соответствующих научных формулировок.

6. Впоследствии эта полемика была возобновлена Д. Кантемиром (в творчестве которого также встречаются элементы барочной культуры) и продолжалась длительное время в молдавской историографии. Однако, истины ради, следует заметить, что она толковалась долгое время односторонне. Никто из участников дискуссии не обратил внимания на то, что Симион Даскэл, собственно говоря, внес в текст летописи Григория Уреке не указание о происхождении в целом всей молдавской народности, как таковой, а только ее феодальной знати — боярства. Такое уточнение требует несколько иной интерпретации традиционной дискуссии, которая началась в XVII в. и продолжается до наших дней. Интерполятор Симион Даскэл (в отличие от служилых бояр Уреке и Костина) был выходец из низших

слоев служилого сословия (куртян и немецкой). Последние разорялись в корпоративном масштабе из-за существования непомерной феодально-государственной податной эксплуатации населения, от которой наживалось, наряду с османами, и служилое боярство Молдавского княжества. Так что «хулу» своей интерполяцией С. Даскэл возводил на высшее феодальное сословие — служилое боярство, которое сумело приспособиться к утверждению в княжестве государственного феодализма, в то время как большая часть землевладельцев и молдавского дворянства от него разорялась. Но все это уже не вопросы критического отношения к источникам, свойственного барочным писателям, а проблема классовая и внутриклассовая интерпретации.

7. Молдавский литературовед Ефим Левит справедливо обратил внимание на влияние риторики барокко и у других молдавских книжников XVII в. Он отмечает в этом смысле «Ответ на кальвинистский катехизис» митрополита Варлаама.

8. К сожалению, до недавнего времени модели молдавского феодализма слепо проектировались с моделями русского феодализма, в такой же мере, в какой феодализм на Руси в определенной степени копировался с «классического» французского образца сеньориальной модели без учета сопоставления русской и молдавской истории с типологическим подходом в универсальном, всемирно-историческом масштабе путем изучения общего и особенного.

9. И, словно подытоживая эту тенденцию, через несколько лет сын Мирона Костина летописец Николай Костин писал, что до конца XVII — начала XVIII вв. «погасли поч-

ти все старые боярские роды Молдавии», эти роды «обеднели и исчезли». «Гибли» и более поздние роды XVI — начала XVII вв. В перечне Д. Кантемира начала XVIII в. насчитывается 75 боярских родов. В нем обнаруживаем лишь 20 родов, упоминаемых в конце XVI — начале XVII вв.

10. Об огосударствлении формационных отношений и государственных форм всех классово-антагонистических формаций писали классики марксизма-ленинизма (К. Маркс, В.И. Ленин). В.И. Ленин прямо использовал в своих теоретических работах термины «государственный капитализм», «государственный феодализм» (Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 16, С. 310). В последнее время отмечают и государственные формы социализма, «государственный социализм» (Бурлацкий Ф. Какой социализм народу нужен. «Литературная газета». № 16. 20 апреля 1988 г.). М.С. Горбачев использовал для этого термин «бюрократический социализм», а Е.К. Лигачев отмечал в 1987 г. «огосударствление общественно-экономических отношений социализма».

11. Античное наследие имеет определяющее значение лишь для западноевропейского, в основном итальянского Возрождения, зато фольклорная традиция едва ли не более значительна в формировании многих писателей, испытавших влияние Возрождения или барокко. Они представляли так называемое сейчас в литературоведении «низовое барокко», в котором особенно ощущалась преемственность с народной культурой, но отсутствовал высокий образовательный ценз, взамен которого свободно использовались формы народного искусства и творчества.

Статья поступила в номер 5 июля 2010 г.

Pavel Sovetov (1927—1991). Doctor of historical sciences, professor, corresponding member, Moldova Academy of Sciences.

Pavel Sovetov (1927—1991). Doctor în științe istorice, profesor, membru corespondent al Academiei de Științe a RM.

Советов Павел Васильевич (1927—1991). Доктор исторических наук, профессор, чл.-корр. АН Молдавской ССР.